

Владимир Усманов

**ЗОВУЩИЙ
КОЛОКОЛ,
ОГНЕМ
ГОРЯЩИЙ
МЕЧ**

Курган
«Парус-М», 2001

К03 (07)

Владимир Викторович Усманов,
военный комиссар Курганской области,
генерал-майор, кандидат педагогических наук

Зовущий колокол, огнем горящий меч

(том первый)

60-летию Сталинградской битвы и образования
Курганской области посвящается

Редакционная комиссия:

Г.П. Устюжанин (председатель), В.Н. Лаухтин, В.Ф. Васильев,
М.С. Иштанов, Б.Б. Болотин, В.П. Могутнов, В.А.Осипов.

Научный редактор:

В.В. Пундани, доктор исторических наук,
профессор, действительный член Академии военных наук.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность редакционной комиссии, военным комиссарам городов и районов области, сотрудникам военных комиссариатов, областных и районных архивов, областного краеведческого музея, библиотек имени А.К. Югова и Н.А. Островского, активистам-краеведам, ветеранам органов местного военного управления, оказавшим помощь в сборе материалов и документов для написания книги. Сердечное спасибо Военно-мемориальной компании, Военно-страховой компании, Фонду социальной поддержки «Линия жизни», руководителям коллективов, простым добрым людям за пожертвованные средства для того, чтобы появилась эта книга.

Мастер дела и слова

Донские казачьи корни и традиции семьи потомственных сельских учителей во многом определили жизненный путь хорошо известного на Курганской земле и за её пределами Владимира Викторовича Усманова.

Из 50 лет его биографии более трёх десятилетий связано с Вооружёнными силами нашего Отечества... Курсант военного училища, командир взвода, роты, батальона, слушатель Военной академии, командир полка, военный комиссар Курганской области, генерал-майор. За плечами – Центральная группа войск, Ленинградский военный округ, Афганистан, Москва, Приволжский военный округ, Урал, на груди – ордена, медали...

Много дорог пройдено, многое пережито, проверено личным опытом, приобретено единомышленников. Были потери боевых друзей, соратников, о многом пришлось передумать. На пятом десятке лет стальные пули - думы генерала стали отливаться в типографский шрифт газетных, журнальных, книжных публикаций.

Владимир Викторович Усманов – автор, соавтор, редактор 25 солидных работ, основным содержанием которых стали проблемы военной истории России, её национальной безопасности, военной теории, методологии и практики военно-патриотического воспитания населения, молодёжи в особенности, освещение страниц военной истории зауральцев и сибиряков.

В 1997 году генерал-майор Усманов становится действительным членом (академиком) Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности.

Владимир Викторович - частый гость и постоянный автор журналов «Наука и образование Зауралья», «Педагогическое Зауралье», «Тобол», «Военные знания», «Ориентир», издательства «Парус-М», создатель единственной в России областной информационной газеты военного комиссариата «На службе Отечеству».

В 1998 году военный комиссар Курганской области успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук по остроактуальной проблеме современности – Формированию военно-профессиональной направленности допризывной молодёжи. Основные положения диссертации были изложены в 16 публикациях, апробированы на региональных и международных научно-практических конференциях в Кургане, Екатеринбурге, Москве. На основании их созданы во всех городах и районах Курганской области и плодотворно действуют учебные центры по военно-профессиональной направленности.

Сейчас, уважаемый читатель, в ваших руках первый том уникального исследования, автором которого является генерал-майор Усманов. Книга посвящена военной истории нашей Родины, вклада в нее наших земляков с глубокой древности до сегодняшних дней.

Мы перелистываем страницы, запечатлевшие героическую борьбу наших далёких предков с внешней опасностью, с ордами кочевых народов Великой степи – печенегами, половцами, монголами, Золотой Ордой, шведской и немецкой агрессиями, с нашествиями полчищ Наполеона и Гитлера.

Эта книга – гимн свободолюбию, патриотизму, мужеству, бесстрашию, несокрушимой воле к победе над врагами русского народа, других народов многонационального государства Российского, её великим полководцам и флотоводцам – Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Ермаку Тимофеевичу, Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, Петру Великому, Петру Румянцеву, Александру Суворову, Федору Ушакову, Михаилу Кутузову, Павлу Нахимову, Георгию Жукову и другим славным сынам Отечества.

В памяти читателей навсегда останутся русские воины, освобождавшие братьев-славян, болгар от шестисотлетнего турецкого ига, герои Русско-японской, Первой мировой, гражданской, Великой Отечественной войн. Из далёкого прошлого оживают славные деяния зауральцев и сибиряков в Отечественной войне 1812 года, участвовавших в легендарном Бородинском сражении, в котором русские воины, по словам Наполеона, «стяжали право быть непобедимыми».

Книга богато иллюстрирована и насыщена именами и фамилиями рядовых и знаменитых воинов-зауральцев, полных Георгиевских кавалеров и первых Героев Советского Союза, отважных добровольцев и самоотверженных тружеников тыла, военных комиссаров ушедшего XX столетия.

Перед нами энциклопедия становления русской государственности и военного строительства на Руси и в России, длительного процесса зарождения и формирования регулярной армии, её комплектования, вооружения, восхождения от первых комиссариатов времён Петра I до комиссариатов XX века и наших дней, в том числе в Курганской области. Эта книга может стать ценным пособием для преподавателей учебных заведений и школьников, основой будущей научной монографии по военной истории России.

***В.Пундани**, доктор исторических наук,
профессор, действительный член Академии военных наук.*

И вечно тем сильна Россия

Появление этой книги, которую, уважаемый читатель, вы держите в руках, предопределило размышления о том, что происходит со страной в области военного строительства, почему разрушение нравственного стержня защитника Отечества, который был присущ нашим предкам всегда, достигло такого масштаба. Почему насаждается ненависть к армии, которой очень нелегко в наше непростое время. Как в одночасье из всенародной любимицы армия превратилась в нечто, которым пугают, чего боятся молодые россияне. Так что же будет с Родиной и с нами? Кто постойт за Отчизну? Мир не стал гуманным настолько, что отпала необходимость в вооруженной защите государства. Армия – это стержень государственности раньше и сейчас. Неужели безответственность политиков достигла таких угрожающих пределов, что народы России потеряли чувство опасности за свою страну. Хочешь мира - готовься к войне, не мной сказано, но верно по сути. Не может армейский организм подвергаться сиюминутным изменениям в угоду той или иной политической линии. Наверное, поэтому так тяжело и идет военная реформа в России. Видный военный деятель, генерал Михаил Иванович Драгомиров, по этому поводу заметил: “Мы нетерпеливы и бессознательно расположены все мерить на один свой век, забывая, что существо, называемое армией, живет тысячелетия, а не 50-60 лет, как мы ...”

Россия – страна суровой судьбы, страна вечного поиска правды, истины и справедливости. Ее духовная мощь обретаема многочисленными горькими испытаниями и страданиями, терпением и выдержкой, исключительной даровитостью и патриотизмом народа. Наверное, чем больше народом пережито горя и испытано боли, тем он крепче и стойче, тем чище и благороднее его душа и помыслы. Вера в великое будущее России сегодня основывается на глубоком познании и понимании ее истории, традиций, величия нравственности ее народа и многовековой, многонациональной культуры.

Причем же здесь появление книги по истории возникновения и развития органов местного военного управления, а ныне военных комиссариатов? Да притом, что в их повседневной, для многих незаметной, кропотливой и целенаправленной работе в служении Отечеству заложена одна из основ жизненной крепости и стойкости государства. Вспомните 1991 год. Рухнула политическая система, лихорадочно начались поиски форм по строительству основ новой власти. Все было поставлено на дыбы, от сельского Совета до аппарата Кремля. Бурлили политические страсти, в стране менялись экономические, социальные основы. В 1993 году общество вообще стояло на грани раскола и гражданской войны. Однако военные комиссариаты России продолжали свою деятельность, которая обеспечивала безопасность Отечества: все так же велся четкий воинский учет, поддерживалась боевая и мобилизационная готовность, проводились очередные призывы молодежи в Вооруженные Силы страны. Все как всегда, только с большим напряжением сил, настойчивости и упорства.

Я бы слукавил, если сказал, что все происходящее в стране не коснулось офицеров и служащих военкоматов. Все мы живые люди и члены одного общества, не в замкнутом пространстве служим и живем. Но исполнение своего воинского и гражданского долга перед страной и ее народом оказалось на первом месте. Российская армия всегда была и до сих пор является наиболее ярким и стойким носителем народных идеалов и воинских традиций. Они живы в ней даже тогда, когда в обществе их уже не существует или появляются новые. И по-этому в это смутное для России время армия осталась, наверное, единственной силой государственности, символом непрерывной ответственности за судьбу Отечества.

Необходимо помнить еще следующее: миллионы и миллионы человек прошли через военные комиссариаты и в годы лихих испытаний, и в мирные, но не менее ответственные годы. Можно сказать, история деятельности военных комиссариатов неразрывно связана с историей страны. Крайне необходимо, чтобы люди узнали больше об этой важнейшей страничке истории государства. Ведь это – судьбы наших родных и близких, далеких во времени и не очень, а значит, это – память, а память – категория нравственная. И, осмысливая все это, поневоле начинаешь гордиться, что принадлежишь к этой когорте людей мужественных и стойких, преданных своему Отечеству до конца.

Быть сыном России для меня значит не только говорить и мыслить по-русски, но и стремиться познать ее историю, правду жизни, пропустив все это через свой разум и сердце. Верить в Россию, так как верили в ее судьбу многие поколения наших предков, как верят в ее светлую судьбу нынешние патриоты Отечества. Поэтому и приглашаю вас пройти вместе с автором по страницам истории страны, по страницам истории зарождения и развития органов местного военного управления Российского государства.

В. Усманов, генерал-майор,
военный комиссар Курганской области,
кандидат педагогических наук.

Часть первая

ОТ КНЯЖЕСКИХ ДРУЖИН ДО СТРЕЛЕЦКИХ ВОЙСК

Военная история России восходит к древним временам, к образованию у славян племенных союзов и объединений, а затем и государственности. С образованием государственности появилась и военная организация, способная отстаивать ее интересы. Много претерпела земля русская на пути своего становления и развития. Ее история сопровождается ожесточенной борьбой народа за национальную независимость. Постоянно угрожали ей враги, учиняли разбои и нашествия, но, преодолевая все напасти и невзгоды, выстоял русский народ. Колокола Руси гремели тревожно, призывно, но затем обязательно победно, а меч роса достойно отвечал на удары врага и сокрушал его.

Народные предания и исторические документы подтверждают, что в периоды тяжких испытаний с особой остротой неизменно проявлялось патриотическое самосознание людей. Свободолюбивый дух русского народа оказывал решающее воздействие на объединение сил и на боеспособность защитников Отечества.

В настоящей книге мы расскажем о структуре, формах и методах военной организации нашего Отечества с древнейших времен до сегодняшних дней, рассмотрим систему формирования княжеских дружин и народного ополчения, стрелецких и иноземных полков, поместного и казачьего войска, регулярной армии и флота, покажем, какую роль играли в ней органы военного управления государства Российского и земли Курганской: приказы и коллегии, присутствия и комиссариаты.

В книге будет подробно рассказано о военных комиссариатах нашей области, представляющих собой территориальные органы Министерства обороны Российской Федерации. По своей структурной принадлежности они являются рабочим органом Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. Непосредственно руководит их деятельностью Главное организационно-мобилизационное управление через штабы военных округов.

Не случайно на *официальной эмблеме* этого центрального органа военного управления изображены “золотой набатный колокол” - символ призыва народа на отпор врагу, “золотистый пламенеющий меч” Архистратига Михаила – небесного покровителя русского воинства и “боевой шлем” старославянских воинов, надеваемый для битвы с врагом.

Соответственно *символ военных комиссариатов* образуют “золотистый пламенеющий меч” на красном щите и расположенный под ним фрагмент городской геральдической короны, как атрибут местного (регионального) управления, подчеркивающий главное предназначение военных комиссариатов – обеспечение обороны страны.

Уместно будет вспомнить здесь и слова великого русского полководца Александра Невского: “Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет”...

Попробуем в процессе изложения материала кратко осветить следующие вопросы: Что предшествовало военным комиссариатам? Когда они появились? Что мы знаем о них сегодня?

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ЕЕ ЗАЩИТНИКИ

Возникновение некоторых элементов военного управления вполне можно отнести к VI веку. В славянских племенах той поры воинами в случае необходимости становились все взрослые мужчины. Они самой жизнью были приучены одной рукой держать соху, другой меч, чтобы не быть побитыми или проданными в рабство. Кровное родство обязывало каждого мужчину сражаться за судьбу племени, как за свою личную жизнь и свободу. Потому русичи слыли всюду в Европе отважными и стойкими воинами, с которыми в рукопашной схватке биться “с лица на лицо” противники боялись. Как правило, вождь племени решал все вопросы войны и мира, а при нужде и вступления в союз с другими племенами для защиты от нашествий кочевников и воинствующих соседей.

Древние предки наши славяне – поляне и анты были особым народом. К великому сожалению, письменных источников они о себе не оставили. Но византийский император Маврикий еще в шестом веке писал о них: “...они любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Храбры, в особенности в своей земле, выносливы: легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и пище. Юноши их очень искусно владеют оружием”. Другой византиец, Лев Диакон, позже сказывал уже о русах: “Сей народ отважен до безумия, храбр, силен”. В “Сборнике документов по социально-экономической истории Византии”, описывая набеги славян, летописец Меландр упоминает такой случай, когда в VI веке авары задумали обложить славян данью, то славянский вождь Даврит на это ответил: “Родился ли на свет и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе нашу силу? Не другие владеют нашей землею, а мы чужою привыкли обладать... И если кто хочет с нас дань брать – пусть попробует – придет и возьмет...”

В других летописных источниках византийских и готских писателей, относящихся к VI и VII векам, упоминается объединение славянских племен севернее Дуная, как Русская земля.

В “Повести временных лет” главная роль в создании русской государственности отдается варягам. Ибо князья многих славянских земель в это время погрязли в междоусобной борьбе, разоряли свои и близкие им по крови и духу народы, потому пришлось людям идти с просьбой за море к Варягам, к Руси, те варяги назывались Русью. “И сказали Руси Чудь, Славяне, Кривичи и Весь (племена населявшие территорию Севера и центра Руси): «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю Русь и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой – Сенеус – на Белоозере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов

*Первые князья дома Рюриковичей: Рюрик, Олег и Игорь.
Палехская роспись Грановитой палаты в Кремле. XIX в.*

прозвалась РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Через два года умерли Сенеус и брат его Трувор. И овладел всей властью один Рюрик .

В год 6387 (879 н.с.) умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу - родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6390 (882 н.с.) выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и взял власть в городе. Взял Любеч и пришел к горам киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Убил их и сел Олег, княжа в Киеве. И сказал Олег: «Да будет матерью городам русским».

Так, по преданию, возникло древнерусское государство, которое являлось объединением (добровольным или путем покорения) славянских племен.

По своему характеру это было военное государство, представлявшее собой политическую организацию, возглавляемую князем, орудием которого являлась военная дружина. Социальной базой государства была сельская община («вервь», «мир»), позволявшая для больших походов созывать ополчение племен. «Великий князь русский» являлся главою государства. Управление государством осуществляли «Светлый и Великий Князь и великие его (князя) бояре», так их называет летописец.

История Отечества как нить, смотанная в клубок. Возьми за конец, потяни, начни разматывать, и перед тобой будут представлять картины, отображающие дела и образы давно минувших дней. Длина этой нити тянется

через многие века к святым истокам памяти.

Какими были наши предки славяне? Что заставляло племена росов объединяться, создавать княжества, а потом и великое государство, оберегать его целостность и единство как себя и свою семью?

Великая держава средневекового мира Древняя Русь... Сколько народных былин воспевает ее, сколько вдохновенных страниц посвятили ей летописцы! Славяно-руссы — поднепровские поляне и приильменские славяне, полоцкие кривичи и северские вятичи, и другие племена издавна пахали, охотились, бортничали на своей земле. Их ладьи с плодами труда — мехами, медом, хлебом и другими товарами плыли водным путем “из варяг в греки”. Поживиться трудом предков наших было любителей немало. На днепровских порогах поджидали их разбойные шайки печенегов, с западной стороны зарились на земли русские немецкие крестоносцы, с азиатских степей налетали саранчой орды кочевников, с юга пытались ступить на русские земли и расширить за счет их свои владения турки...

По мере появления и развития княжеств военное ремесло становится профессиональным делом, постоянным, основным занятием слуг и приближенных князя. Уже в конце VIII века военная организация древних славян включала княжеские дружины и народное ополчение. Дружинники были связаны с князем личным договором службы и верности, который, как правило, на Руси выражался клятвой на щите и мече. Набор в ополчение происходил в пору нашествий врагов или упредительных военных походов по строгим правилам (охрана семейства и сохранение рода), которые устанавливались советами старейшин или принимались на вече.

Русь постепенно сплотилась в огромное государство под рукой «матери городов русских» Киева, а также подвластных ему Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска... Новое государство раскинулось от причерноморских степей до побережья Ледовитого океана, от Западной Двины и Дуная до Волги. Славяно-руссы в древности были язычниками, они обожествляли силы природы: поклонялись и приносили жертвы Дажьбогу — солнцу, богу скота и торговли — Велесу, богу огня и ремесла — Сварогу, богу грома и войны — Перуну. Жертвуя богам лучшее, что имели: меха, мед, скот, они надеялись сохранить жизнь и достаток. Киевские князья с дружинами ежегодно объезжали свои владения, собирая полюдь-дань с подвластного сельского населения, вершили суд.

В IX — X веках Древняя Русь обретала раннефеодальные порядки. Политическое господство князей и бояр обеспечивалось дружинной военной организацией. Дружина не только, как мы подчас думаем, сопровождала князя в походах. Она все время находилась рядом с ним. Дружинники часто и жили на княжеском дворе, ели с князем за одним столом — хмельные дружинные пиры были неотъемлемой частью княжеского быта. С дружинниками князь

Полюдье. С картины К.В. Лебедева.

Воины древнерусского государства

“держал совет” обо всех делах – о войне и мире, походах и посольствах, размерах дани и раздачах военной добычи, земель, казнях и помилованиях. Вместе с дружинниками он составлял грамоты-указы, вершил суд по “закону русскому”.

Дружина делилась на несколько частей. Вершила государственные дела и вместе с князем управляла землей “старшая” дружина, в которую входили “великие бояре”, владевшие обширными землями, многочисленной челядью, роскошными хоромами, а часто имевшие и свои военные отряды.

А “руками” князя была энергичная “молодшая” дружина. Младшие дружинники на деле реализовали то, что “уставлялось” князем и боярами, замышлялось на пирах и долгих “совещаниях” – собирали дань, управляли княжеским хозяйством, охраняли покой правителя, живя на княжеском под-

ворье, а во время войн составляли ударную силу княжеского войска.

Поэтому князья и дружинники, заботясь о продолжении их дела сыновьями и внуками, отдавали много времени и сил, чтобы передать им свое умение, научить мужеству, стойкости, верности клятве.

Особое место в обучении и воспитании княжичей отводилось ратному делу. Они были должны научиться “вседше на коне, в бронех, за щиты, с копьем, якоже биться”, владеть конем, защитным и наступательным оружием, быть и турнирным рыцарем, и знать строй пеший и конный, тактику полевой битвы и осады крепости – это целый мир, своеобразное искусство. Как и во всяком искусстве: у одних к нему дар, другие – лишены его. Даниил Заточник даже считал, что люди мыслящие – в ратном деле нестойки: “умен муж не велми бывает на рати храбр, но зато крепок в замыслах”. Каждому князю мечталось, вероятно, быть мастером в том и в другом. Поэтому князья стремились кроме ратного мастерства передать детям и книжную мудрость, научить их дипломатии, ведению переговоров, знанию исторического прошлого. Обо всем этом, например, интересно рассказано в “Житии Александра Невского”. Чтобы быть умелым и стойким воином, надо было научиться многому, а уж будущему князю – тем более. Владеть конем – это значило управляться с седлом, уздой, псалями, удилами, стременами, скребницей, путами, плетью, шпорами. Древнерусский воин-профессионал умел все – бился и в конном строю, и в пешем.

Князь-воевода, в нашем понимании, предстает как тяжеловооруженный всадник, владеющий рубящим, колющим, ударным оружием, он – копейщик, оружник, бранистарец: копье (или два), меч, сулица-дротик, лук со стрелами, кистень, булава, боевой топорик, шлем с пристегнутой к нему бармицей для защиты шеи и затылка, кольчуга, щит – вот его вооружение. К тому же ножны, футляр для топора, колчан, рукавицы, ремни – и все это должно быть пригнано, подогнано. Он, как опытный конный лучник, должен был делать 6 прицельных выстрелов в минуту при дальности до 200 метров, прицеливаться мгновенно, натягивая тетиву. Наконециков копий и стрел существовали десятки видов, надо было приловчиться, выбрать любимившиеся.

Мало было все это пудовое вооружение надеть на себя и нести. Когда лучники, осыпав противника тучей стрел, произведут разведку боем, князю надлежало возглавить войско и, прижав к бедру копье, слиться в плотную массу с дружиной, а когда твоя рать с ходу сшибется с вражеской, опрокинуть ее и довершить битву мечами в рукопашной. Пешцы, лучники-стрельцы доделают остальное.

Скорость, совершенное владение конем, сила и смелость – вот что нужно было предводителю войска. При удачном начале можно было выиграть битву в первые минуты. Битвы были ожесточенные, яростные, быстротечные. Они

требовали от воинов личного мужества и высокого профессионализма.

Только от знаний и сметки князя зависело, какое войско брать в дело: наспех поднятый легковооруженный конный отряд – вдогон за лихим в набеге противником; тщательно собранную тяжеловооруженную городскую пехоту и сельских пешцев – в большой поход с предстоящими осадами.

Князь должен знать, как делать подкопы для отвода воды, сооружать осадные метательные машины – пороки (от слова «прак» – праща), отынивать крепости, вскидывать лестницы, перемахивать валы и стены, а если надо – то и сидеть в обороне, со стен отстреливая вражеских пешцев и в вылазках сокрушать их. Наконец, совладать с обозами тоже ратное дело, а то останешься без оружия илипустишь добычу.

Князь должен заботиться об охране – дозоре, помнить и о засаде, знать, как раскинуть широкие, укрепленные на толстом столбе, яркие, разноцветные шатры – словом, удобно и безопасно расположить лагерь.

Князь должен уметь искусно вооружаться и вовремя раздать оружие дружине и полкам, построить их для боя и самому стать так, чтобы все видели льва на высоко поднятом цветном княжеском стяге, его золотой шлем, меч с золотой рукоятью и блестящие шлемы, и красные щиты его воевод. Пока блещут шлемы и реют стяги – будет непоколебимо войско.

Для всего этого надо воистину было быть “под шоломом повиту, с конца копья вскормлену”.

По мере того как все новые и новые земли “становились под руку” князей, дружина пополнялась за счет местной племенной знати, быстро воспринимавшей феодальные порядки. В дальнейшем место людей от сохи и ремесленного люда все чаще занимали феодальные ополчения, с X века получившие названия полков.

Древнерусские дружины киевских князей Олега, Игоря и Святослава своими походами на могущественную Византию заставили говорить о Руси весь тогдашний мир. Это нашло отражение в греческих, римских и других летописях, что позволяет и сегодня нам представить, как это было.

В рассветные часы 18 июня 860 года у стен Константинополя, столицы могущественной Византии, развернулись события, о которых византийцы вспоминали потом в течение многих веков. Со стороны закипевшего под ударами тысяч весел моря подошло огромное количество боевых ладей. С них быстро высадилось хорошо вооруженное войско русов и атаковало защитников города, едва успевших закрыть ворота.

Нападение оказалось неожиданным и очень опасным, потому что в столице не было внушительного гарнизона, император Михаил III увел 40-тысячную византийскую армию в Малую Азию – воевать с арабами. Силы охваченного паникой Константинополя были крайне невелики.

Русские воины в походе

“Где теперь царь христолюбивый? Где воинство? Где оружие, машины, военные советы и припасы? — трагически вопрошал в обращенной к горожанам проповеди константинопольский патриарх Фотий. — Что за удар и гнев столь тяжелый и поразительный? Откуда нашла на нас эта

северная страшная гроза? Какие сгущенные облака страстей и каких судеб мощные столкновения воспламенили против нас эту невыносимую молнию?”

Бросив войска, император Михаил поспешил назад. С большим трудом и риском удалось ему проникнуть в осажденную столицу и спешно наладить хоть какую-нибудь оборону.

Обложив город, русы разорили его дальние и ближние окрестности. Опасность захвата столицы росла. “Город, — отмечал Фотий, — едва не был поднят на копье!”

Надежды на организацию военного отпора не было никакой. Император приказал вступить с русскими в переговоры о перемирии. Денег и сокровищ для их умиротворения решено было не жалеть.

Византии удалось откупиться – 25 июня русы сняли осаду и ушли от города. Вскоре после этого был заключен первый русско-византийский договор о “мире и любви”, дававший северным соседям Византии большие выгоды в политике и торговле.

Победоносным походом против одной из сильнейших держав тогдашнего мира Древнерусское государство утвердило свой международный престиж. “Народ неименитый... но получивший имя со времен похода против нас, незначительный, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства...” — так описывал патриарх Фотий итог стремительного выхода Руси на европейскую международную арену. Известие о русском походе заставило европейских феодальных владетелей пристально взглянуть в восточную даль, где сложилась новая сильная держава – Русь, столь неожиданно и мощно заявившая о себе.

Главным политическим событием истории Руси IX века следует считать объединение древнерусских земель и племен в единое, могучее государство – империю Рюриковичей, со столицей в Киеве. Управляя отсюда, русские князья держали под контролем главные торговые пути на территории между Балтийским, Черным и Каспийским морями. Благодаря единению сил, Киевская Русь успешно вела военные походы против беспокойных соседей – волжских булгар, хазар, печенегов, половцев, рассматривая их как оборонные, упредительные от набегов кочевников. В этом надо видеть сегодня стратегическую мудрость князей – ведение войны не на своей территории, а на земле противника, захват стратегической инициативы, умение вести постоянную разведку в стане недругов, знать их замыслы.

Проведение военных советов перед походами и битвами, расстановка полков в походах и перед сражением, назначение в них руководителей от полка до десятского заложило своеобразные основы штабного руководства действиями, повышало ответственность каждого воина за порученное дело.

На таких советах вспоминался и учитывался опыт предшествующих сражений. Здесь закладывались основы науки побеждать. Потому войско русов отличалось организованностью, стойкостью. Большую роль в нем играли примерная дисциплина, исполнительность и храбрость князей и воевод.

Надо особо отметить, что ссылки у ряда авторов на то, что русские многое переняли от военного искусства западных соседей, не имеют под собой почвы. Прежде всего, наши предки не применяли форм построения боевых порядков, чему придавали исключительное значение греки, римляне, немцы и другие воинственные народы, а использовали многообразие самобытных приемов ведения боя, как при наступлении, так и в обороне. Этим самым они нередко вводили противника в замешательство, в панику и добивались победы. Конечно, самобытное военное творчество основывалось на хорошо поставленной разведке противника, на высоком боевом мастерстве ратников княжеских дружин, на мужестве ополченцев, объединенных в полки, сотни и десятки, на родовых началах и под командованием своих вождей и родоначальников, что придавало им особую ответственность за честь семьи и рода, что значило много.

В 907 году князь Олег вновь взял Константинополь, в знак победы прибил свой щит на его воротах, получил богатую дань и подписал выгоднейший договор о торговле: товары россос беспрепятственно перевозились в Азию и Европу, не облагались пошлинами, русские купцы могли до полугода жить в Константинополе и обеспечиваться провиантом за счет казны города и так далее... “Такого унижительного договора великая Византийская империя не знала никогда”, - отмечают многие европейские летописи тех лет.

Византийские послы откупаются драгоценностями от русской дружины

Константинополь стал искать надежные пути сближения и дружбы с Киевской Русью. И они открылись совсем неожиданно — в единении веры.

Окончательное формирование государственной территории и объединение славянских племен под властью киевского князя приходится на время, когда в Киеве правил князь Владимир, прозванный в былинах Красным Солнышком.

“Владимир стоит на грани двух эпох,— пишет известный советский историк, профессор Владимир Васильевич Мавродин,— он — последний князь-воин дружинной, варварской Руси, венчающий ее вершину, и в то же самое время он — первый князь феодальной Руси, всей своей деятельностью подготовивший тот расцвет раннего феодализма, таящий в себе элементы грядущего распада “империи Рюриковичей”, который падает на княжение его сына и внуков”.

В правление Владимира на первое место выдвигаются вопросы внутреннего устройства Русского государства. По меткому выражению Карла Маркса, “империя Рюриковичей” была “скроена из лоскутов”. Во времена Владимира из этих лоскутов шивалось единое покрывало. По всем основным городам киевский князь рассадил своих сыновей. Их было двенадцать. Самостоятельность наместников была ограничена, они выполняли волю отца. А для того, чтобы не возникло у кого-то из сыновей стремления отделиться и перестать повиноваться, Владимир время от времени перемещал их. Так, один из его старших сыновей Ярослав, прежде чем сменить отца на киевском столе, успел при его жизни побывать князем Ростовским и Новгородским.

В это же время завершается и многолетнее соперничество между старой племенной знатью и новым раннефеодальным классом. Теряют былую силу и власть племенные центры. Возникают княжеские крепости, которые постепенно превращаются в главные города больших округ.

В конце X века происходят коренные изменения в идеологической жизни Руси, на многие века определившие ее политическое и культурное развитие.

Наследием родоплеменного строя было многобожие — славяне поклонялись различным идолам. Когда Владимир только начал править в Киеве, он “поставил на холме за теремным двором деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами и других кумиров. И приносили им жертвы, называя богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей...”. Перун был богом грозы и покровителем князя и дружины. Его святилища исследованы археологами в Новгороде и других местах Древней Руси.

Старая языческая религия, с ее пестрым многобожием, уходила корнями в родовую строй и когда-то вполне соответствовала экономическим основам и идеологическим представлениям славянского общества. Но она не отвечала новым требованиям и мешала формированию феодальных поряд-

ков. Нужна была единая религиозная организация. Это не было прихотью Владимира или его бояр и дружинников – то было веление времени, порожденное объективным развитием общества.

Такой религией стало для Руси христианство. Оно проникло на Русь еще до правления Владимира. Судя по письменным источникам, бабка Владимира – княгиня Ольга была христианкой. Известны упоминания о христианских храмах на Руси в летописях. Однако долгое время христианство на Руси не имело глубоких корней и заметной роли в развитии общества не играло.

Но скоро настали иные времена. “В год 6495 (987) созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: “Вот приходили ко мне болгары (мусульмане), говоря: “Прими закон наш”. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки (византийцы), браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет и не умереть ему во веки, если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне! Что же вы посоветуете, что ответите?”

И сказали бояре и старцы: “Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит богу”. И понравилась речь их князю и всем людям, избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: “Идите сперва к болгарам и испытайте веру их”. Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: “Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю”. Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их – зачем пришли? Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и сотворил им честь великую в тот же день. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: “Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовьте церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего”. Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и составили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов, рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, удивлялись и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: “Идите в землю вашу”. И отпустили их с дарами великими и с честью.

Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и

старцев и сказал им: “Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все бывшее с ними”. И обратился к послам: “Говорите перед дружиною”.

Они же сказали: “Ходили де к булгарам, смотрели как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса, сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как бешеный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Недобр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты той, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького, так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве”.

Сказали же бояре: “Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей”.

И спросил Владимир: “Где примем крещение?”

Они же сказали: “Где тебе любо!”

В следующем, 988 году князь, принял крещение во время похода на Корсунь, приказал кумиров, стоявших за теремным двором, ниспровергнуть – одних посечь, а других сжечь. Перуна же повелел привязать к конскому хвосту и тащить с горы по Боричеву спуску на Ручей. На глазах потрясенной киевской толпы вчерашнего бога сбросили в Днепр. По всему городу были посланы глашатаи зачитывать княжеский указ, где предписывалось каждому жителю от мала до велика назавтра принять крещение. С рассвета множество людей вошли в воды Днепра под молитвы, творимые священником, тем самым очищаясь от языческой скверны, как бы смывая ее днепровской водой.

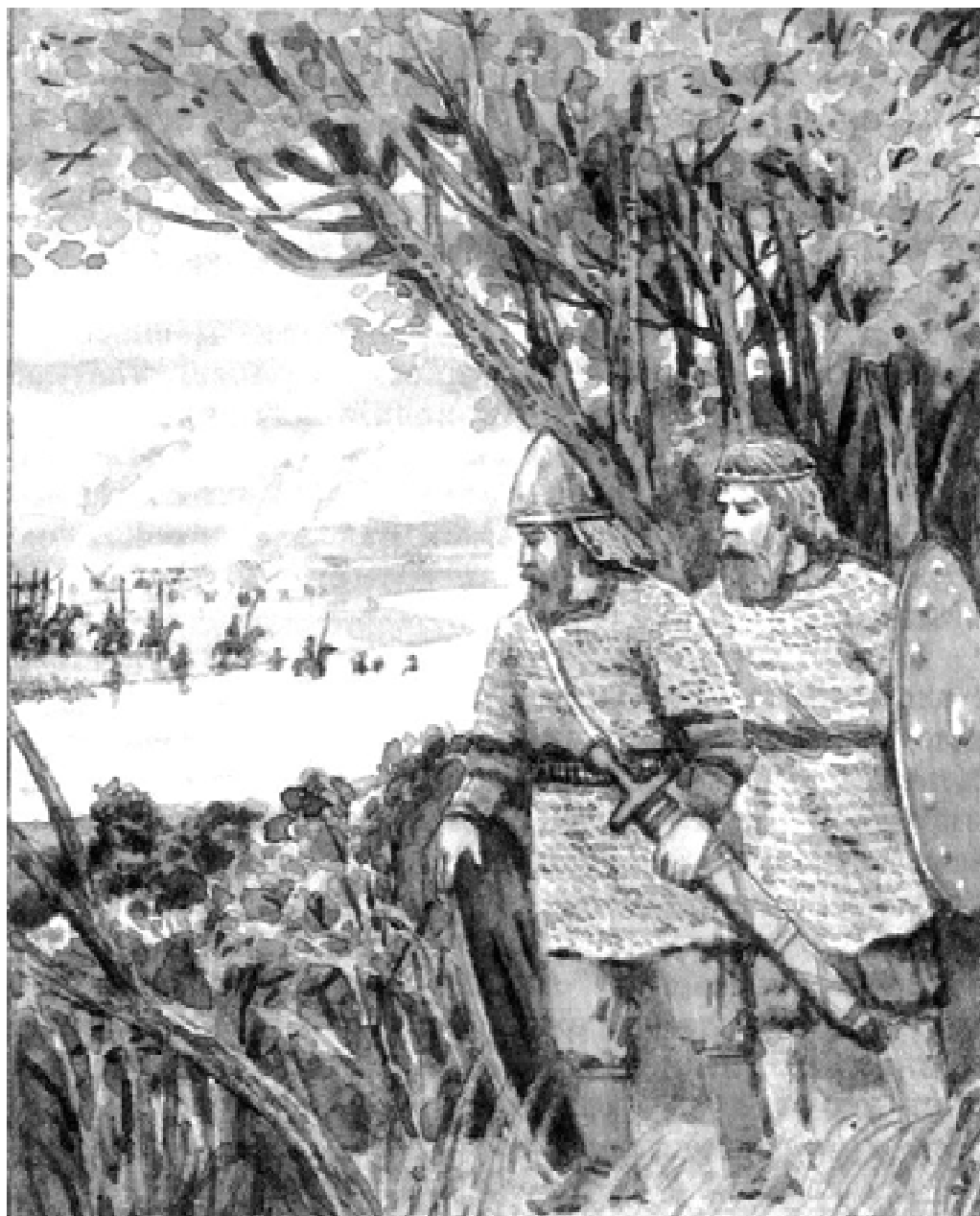
После крещения началось широкое строительство церквей, причем сооружались они, как правило, на тех местах, где раньше были языческие святилища и стояли идолы.

На смену старым родовым поверьям пришло новое религиозное сознание. Христианство стало распространяться по всей Руси и сыграло исключительную роль в укреплении государственности, в совершенствовании народной нравственности и морали, в преемственности добрых традиций и заветов. Святая духовность высветила русскому народу путь в будущее, позволила пройти через многие тяжелейшие испытания и “сегодня быть”.

Русь располагала значительными духовными и военными силами, осуществляла походы на врага и умело оборонялась от иноземных захватчиков, грозивших ей со всех сторон света.

К югу от русских княжеств лежала Великая Степь, которую русские назы-

вали коротко – Поле. В этом имени отразились ее главные черты – и щедрая, тучная плодородность, и неоглядная таинственная безбрежность, и то, что в X – XI веках степь стала для Руси полем постоянных битв. Множество грозных военных слов стояли для русского человека рядом с этим коротким именем – Поле. И в словаре нашего древнего языка они расположены вместе: полк, полон, полымя, половцы, печенеги.

Древняя Русь и Великая степь

Первое знакомство печенегов с русскими случилось в 915 году и произошло мирно. “Пришли печенеги впервые на Русскую землю, — отметил летописец, — и заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю”. Однако уже через несколько лет, в 920 году, произошло военное столкновение Игоря с печенегами. Правда, обошлось, видимо, без больших потерь для обеих сторон.

Затем печенегов отвлекли другие внешние интересы и они надолго – почти на полвека – оставили Русь в покое. Известия о них в эти годы исчезли со страниц русских летописей. *(Начальная русская летопись, X в.)*

Вновь печенежская опасность дала о себе знать лишь при Святославе. Русские уже успели прочно забыть давние стычки кочевников с Игорем Старым, когда летом 968 года степняки неожиданно хлынули в киевские земли. Время нападения было выбрано далеко не случайно: князь Святослав увел дружины в Дунайскую Болгарию. Орда осадила Киев, в котором укрылась с внуками мать Святослава, старая княгиня Ольга. Печенеги взяли город в плотную осаду – ни выйти из него, ни даже вести послать нельзя. Скоро начался голод, но еще раньше стала мучить киевлян жажда.

Хотели помочь столице жители Киевской земли. Воевода Претич собрал в окрестных селах ополчение и привел его в ладьях к Киеву. Но о том, чтобы подойти к столице, нечего было и думать: бесчисленное множество печенегов стояло вокруг города, тут и там сновали сторожевые разъезды. Что сделает малое войско, вооруженное топорами, ножами да косами?! Стали они на другом берегу Днепра, почти напротив столицы, а сделать ничего не могли. Как была разрешена эта проблема, рассказано в книге **“Начало Отечества” А. Дегтярева, И. Дубова.**

“ ... Положение в столице было критическим. На боярском совете уже говорили о сдаче города печенегам. Не все соглашались с этим, и после долгих разговоров решили сначала дать знать о предстоящей сдаче Киева ополченцам – на другую сторону Днепра. Но как это сделать? Из города и птице-то не вылететь – неминуемо сиибет ее печенежская стрела!

Разошлись по городу княжеские люди с вопросом: “Нет ли кого, кто смог бы перебраться на ту сторону и сказать ополченцам: если не подступите утром к городу – сдадимся печенегам!”

Нашли отрока, который согласился это сделать. Не взял он с собой ни меча, ни лука, даже ножа не повесил на пояс. Попросил только простую конскую уздечку.

Выскользнул юноша незаметно из города и, как бы случайно, побежал через печенежский стан к Днепру. Помахивая уздечкой, спрашивал у печенегов, которые сидели около многих костров: “Не видел ли кто-нибудь здесь его коня?” Спрашивал по-печенежски, и те, принимая отрока за своего,

кто плечами пожимал, а кто и вовсе не обращал внимания на юношу.

А он, приблизившись к Днепру, вдруг скинул одежду и бросился в реку.

Тут сообразили степняки, кинулись за ним, из луков стрелять стали, да, к счастью, миновали стрелы смельчака. В ополчении тоже заметили его – быстрая ладья отошла от берега и скоро подобрала киевского разведчика.

Привели его к воеводе, и отрок сообщил о намерении боярского совета. После недолгих размышлений воевода Претич решил: “Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав”.

Опасное было решение. Успеха ждать почти не приходилось: в открытом бою печенеги наверняка легко одолеют небольшую дружину. Но выхода не было. Задумали только не сразу безоглядно бросаться на печенегов, высказывая свое намерение, а применить небольшую хитрость, – вдруг она и поможет.

На следующее утро дружина в полном вооружении села в ладьи и под громкое пение боевых труб, с военными песнями и криками двинулась по Днепру к Киеву.

Плывут ладьи так, словно сидящие в них воины возвращаются из далекого похода и не ведают, что судьба родного города на волоске висит, что врагов вокруг города – тьма-тьмущая.

“Кто же это к городу подходит? — забеспокоились печенеги. — Уж не Святослав ли?!” А тут еще осажденные киевляне все, как один, высыпали на городскую стену и подняли истошный ликующий крик – вызволение идет! А времени у врага на раздумья и проверки нет. Хорошо наслышанные о воинской доблести Святослава, печенеги решили, что русский князь сумел – непостижимым образом! – в несколько дней вернуться из далекой Болгарии на помощь родному городу. Орда панически отхлынула от города, сняв едва налаженную осаду. Это спасло стольный Киев”.

А Святослав, бросив задуманное военное предприятие, действительно уже спешил на помощь. Вернувшись, он быстро увеличил дружину, набрав новых “воев” в Киевской земле, и прогнал печенегов глубоко в степь – подалее от русских пределов, замирил кочевников.

Вторжение, врасплох заставшее Русь, побудило Святослава о многом задуматься. “Печенеги с нами ратны!” – этот военно-политический вывод изменил многие планы князя. Пришлось учитывать новую обстановку, отложить на несколько лет осуществление грандиозных военных предприятий. Только в 971 году Святослав вновь направился воевать с дунайскими болгарами и Византией. Богатые земли Юга притягивали князя и дружину, как кусок диковинной магнитной руды притягивает мелкие гвозди. Заветная мечта – обосноваться в этих благодатных краях и даже перенести сюда сто-

лицу – не давала покоя решительному правителю.

Но воинственная алчность, в конце концов, сослужила плохую службу. Возвратиться из похода Святославу было не суждено. Поздней холодной осенью 971 года, когда поредевшая в боях, измотанная за полгода непрерывных сражений и переходов дружина, возвращаясь, подошла к днепровским порогам, обнаружилось, что они заняты печенегами. Войско оказалось отрезанным от столицы, от Киевской земли, от родины...

Святослав быстро понял, что сквозь плотные заслоны не прорваться. Пришлось зимовать вдали от родных мест, в Белобережье. Только весной решил князь пробиваться к Киеву через пороги. В этих местах и напал на русских печенежский вождь Куря. В битве Святослав был убит.

Как ни странно, смерть Святослава не привела к немедленному нарастанию печенежских вторжений – несколько лет прошли спокойно. Правда, уже само присутствие многочисленных кочевий вблизи степной границы Древнерусского государства (один день пути отделял степняков от русских земель, а до Киева было всего три перехода) накладывало заметный отпечаток на жизнь славян.

В XI веке талантливый русский полководец и государственный деятель Владимир Мономах для борьбы с полчищами кочевников – половцев сумел привлечь к походам на врага не только княжеские дружины, но и широкие слои населения – ополчения из крестьян и горожан.

Владимир Мономах на совете князей

С самого начала своего правления, всерьез столкнувшись с печенегами, Владимир Святославич понял, какую опасность представляет для Руси резко усилившийся союз кочевых племен. Русский князь сразу решил, что одними упреждающими походами в глубь степи врага не замирить. Да и многочисленные села и деревни на тучных черноземах степного Юга не только приносили князю большие доходы — их земледелие было жизненно необходимо для дальнейшего развития государства. И Владимиру пришлось решать трудный вопрос о том, как защитить земледельческое население Юга от постоянного грабежа и уничтожения кочевыми народами.

Князь решил строить на зыбкой степной границе крепости и четко обозначить ими пределы Русской земли. На многих степных реках — Трубеже, Ирпени, Суле, Десне, Стугне — была возведена длинная цепь маленьких крепостей, воспетых позднее в народном творчестве, былинных богатырских застав. Так начиналась многовековая работа Руси по обживанию и обороне южных рубежей.

Строила новые города вся Русь. Со всех мест — от словен, кривичей, вятичей, чуди и других племен — отбирал Владимир “лучших людей”, самых богатых, имевших большое число вольных слуг и челяди, и посылал их ставить пограничные города, оборонять Русскую землю от печенегов.

Работа с самого начала приобрела грандиозный характер. Она дала русскому народу неоценимый опыт, который позднее был использован при

Богатырская застава

строительстве кольца крепостей на севере, а еще позднее — при создании знаменитых засечных черт на юге. Ее масштабы поражали приезжавших на Русь иностранцев. Архиепископ Брунон, оказавшийся в это время в Киеве, поспешно, как весть государственной важности, сообщил германскому императору Генриху II, что степные границы Руси “для безопасности от неприятеля на очень большом пространстве обведены со всех сторон самыми прочными завалами”.

Приготовления Владимира оказались своевременными. Организовав огромные оборонительные работы на южных рубежах, он, как показало ближайшее будущее, проявил выдающуюся военно-политическую прозорливость, верно оценил резко возросшую опасность.

Крупные вторжения кочевых народов чередовались с мелкими набегами, набеги перерастали в нашествия. Особенно тяжелым выдался 993 год. Печенежское войско подошло со стороны Сулы и достигло Трубежа, от которого до Киева рукой подать!

Сторожевыми заставами Владимир был предупрежден о вторжении. Вот когда сказалась своевременная постройка застав-крепостей, не только давших знать о неприятеле, но и задержавших его продвижение! Быстро собранное войско выступило навстречу печенегам, и этот упреждающий бросок сыграл ключевую роль во всей войне: Владимиру удалось блокировать броды на Трубеже, а именно через них печенеги намеревались прорваться на Русь. “Стал Владимир на одной стороне, а печенеги на другой... И не смели они перейти на ту сторону!..”

Борьба на южной границе продолжалась для Владимира до конца его дней. Уже накануне смерти князя, в 1015 году, орда большими силами вновь вторглась в Киевскую Русь. Тяжелобольной Владимир не смог сам возглавить войско — послал сына Бориса. Печенеги уклонились от сражения и ушли из русских земель, основательно пограбив окраины.

Постоянное военное давление на южные рубежи Древнерусского государства в конце концов привело к откату русских земледельцев на север. Покидая тучные степные черноземы, они оседали на менее плодородных, но укрытых лесами землях.

Однако в целом Владимиру удалось сдержать печенежский натиск. Для этого были построены десятки крепостей, создана оперативная дозорная служба, постоянно и последовательно отражались вторжения.

Города Древней Руси были местом средоточия власти — именно здесь находился князь, его наместник или посадник. Городу подчинялась обширная сельская округа, с которой люди князя собирали дань. В городах проживали бояре и другие знатные люди, имевшие здесь свои усадьбы. В Новгородской земле, например, все боярские роды — “Триста золотых поясов” — жили исключительно в столице. Велико было и военное значение городов.

Их жители формировали свои ополчения — городские полки. В хорошо укрепленных городских крепостях уже в те времена находился постоянный военный гарнизон, состоявший из воинов-профессионалов. (Энциклопедия для детей "История России" С. Исмаилов, Москва, "Аванта", 1995 г., стр.174)

В десятом – одиннадцатом веках на Руси сложилась стройная система организации воинской рати в мирное время и на период походов. Ее можно представить по схеме, следующей ниже.

Организация воинской рати в Древнерусском государстве X-XII вв.

Но нам следует отдельно рассмотреть структуру построения Новгородского войска, так как она имела многие свои особенности.

Новгородское войско

В северной части водного пути из «варяг в греки» сложилось государственное объединение - новгородская земля, центром которой был Новгород на реке Волхов. Новгород занимал выгодное географическое положение — он стоял в центре путей, связывающих бассейны Балтийского и Белого морей. Новгород оказался важным экономическим и политическим центром богатых земель, расположенных к северу, востоку и к югу от него.

Новгород представлял собой городскую аристократическую республику.

Политическое устройство Новгорода имело свои особенности. Верховной властью было ВЕЧЕ, которое, однако, лишь внешне представляло собой демократию. Фактически все вопросы решали имущие классы. Политической силой Новгорода являлось городское боярство, выделявшееся из знатного рода своим богатством. Это была купеческая элита.

ВЕЧЕ призывало или отстраняло князя, выбирало посадника и тысяцкого, а с середины XII века и религиозного, духовного главу — владыку (епископа). Князь был военачальником; посадник - исполнительным органом Вече. Он обязан был следить за князем, а при его отсутствии возглавлять новгородское войско. Владыка имел собственную дружину, которую содержал на свои средства.

В подчинении у посадника были «гриди». Они несли гарнизонную службу, за что получали от посадника жалованье. Гриди посылались в качестве «засады» (гарнизона) в пригороды.

Таким образом, в состав новгородского войска входили: дружина князя, дружина владыки, гриди, колчанские полки и ополчение посадков.

Кроме того, имелись дружины «ковольников» (из вольных людей), являвшихся частными организациями богатых бояр и купцов.

Новгородское войско состояло из конной и пешей рати. Конная рать иногда вела бой и в пешем строю. Пешая рать часто передвигалась по рекам на ладьях, и тогда она являлась ладейной ратью. Особенностью новгородской рати было то, что в ее составе не имелось специальных лучников, что влияло на характер завязки боя. Почти все новгородские воины имели луки. Выпустив стрелы, они бесстрашно врубались в ряды противника.

Новгородское войско по решению Вече снаряжалось только на один поход. Основой расчета комплектования была «соха» – площадь земли, которую мог запахать владелец сам - третий и на трех лошадях. Несколько сох выставляли полностью снаряженного конного воина. Если Новгороду угрожала опасность, конного воина выставляли четыре сохи, в других случаях десять сох выставляли одного воина.

Несостоятельные слои населения комплектовали пешую рать. При этом двое жителей «покручали», т.е. снаряжали, третьего, который отправлялся

в поход. От участия в походе освобождалось только духовенство.

Организация Новгородского войска определялась административным устройством Новгорода и его пригородов. Войско состояло из пяти полков, выставлявшихся пятью «концами», на которые делился город. Каждый полк делился на две сотни, сотню комплектовало несколько улиц. Полки возглавлялись избранными на вече воеводами.

Князь командовал своей дружиной. Ему подчинялись воеводы. Во главе шести воевод назначался один, «что наибольший воевода», а городским полком командовал «главный воевода». Сотнями командовали сотники. Это обеспечивало управление войсками как в походе, так и в бою.

Каждый воин имел с собой на определенный срок запас продовольствия. Когда запасы кончались, из войска выделялись специальные отряды и посылались в «зажитье», т.е. на фуражировку. Эти отряды назывались «зажитниками». Запасы продовольствия и оружия, шатры, стенобитные и метательные машины возились в «товарах» (в обозе).

В новгородской рати, как и в войсках других русских княжеств, большое значение имели стяги и военная музыка. Стяги в мирное время хранились в храмах, а на войне тщательно охранялись. У каждого полка или дружины имелся свой стяг. В липецком бою 1216 года у Суздальского князя было 17 стягов, у новгородцев-13. «Поставить» стяг означало построить войско для боя. Войско стремилось «подрубить стяг» у противника, что означало победу. Стяги оказывали моральное влияние на войско и играли организующую роль.

С 1236 года в Новгороде княжил Александр Ярославович, сын Ярослава Всеволодовича, в то время великого князя Киевского, впоследствии великого князя Владимирского. В 1240 году началась агрессия против Новгорода. Тогда Александру не было и 20 лет. Что мог выставить юный князь против врагов?

Сам Александр Ярославович имел дружину, которая постоянно находилась при князе и составляла его «двор»: поэтому дружинников называли еще «дворянами». Для князя дружина являлась не только боевой единицей, но и источником кадров. В случае больших походов, когда нельзя было обойтись одной дружиной и собиралось ополчение, наиболее подготовленные дружинники замещали должности начальников ополченских частей. Кроме воинов в дружине были и обозники, составлявшие: «кошевую» часть.

По численности дружина была в пределах 300 – 800 человек.

В начале июля 1240 года пограничная стража, организованная Александром Ярославовичем на новгородском побережье Финского пролива и на Неве, донесла, что шведский флот начал высадку десанта.

Это известие поставило Александра в тяжелое положение. Ополчение нельзя было собрать до окончания полевых работ, по этой же причине нельзя

было собрать значительное городское ополчение - оно нуждалось в лошадях для воинов и обозов, а лошади у крестьян.

Пришлось ограничиться теми силами, что были под рукой и всегда готовы были выступить в поход - дружина. А ждать было некогда - «не бе бо когда ждати вои с силою великою». (*Хрестоматия по истории СССР 1980 года, стр.65*). Каждый лишний день давал захватчикам возможность глубже ворваться в Новгородское владение. Но Александр Ярославович все же изыскал способ найти войско.

Он набрал пешее ополчение из «черных людей» в самом Новгороде и для ускорения передвижения по воде двинул его к месту будущего сражения. Шведы были застигнуты врасплох и разбиты. Новгородцы вместе с ладожанами потеряли всего 20 человек убитыми.

Еще большее значение имело Ледовое побоище 1241 года.

«Была тогда суббота, на восходе солнца сошлись два войска. Немцы и чюдь пробились клином через русские полки. И была тут страшная сеча для немцев и чуди и не видно было льда, потому, что он был покрыт кровью... Был этот бой 5 апреля». (*“Хрестоматия по русской военной истории” 1947, стр.27*)

Александр Невский стал русским национальным героем. Русская православная церковь возвела его в ранг святого.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года в память о талантливом полководце Древней Руси учрежден орден Александра Невского, которым награждались командиры полков, батальонов, рот, взводов: “за проявление, в соответствии с боевым заданием, инициативы по выбору удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск”. Эти слова, взятые из статуса ордена, раскрывают главное в полководческом даровании Александра Невского.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Тревожно начиналось XIII столетие на Руси. В какой край света ни кинь взор — всюду ходили грозные тучи, молниями просверкивали вражеские набеги. На севере и на западе границы русских земель трещали под напором крестоносных орденов. На юге летучие отряды половцев легко доставали до столиц русских княжеств, раздираемых внутренними усобицами. А в далеких азиатских степях вызревала чудовищная сила, сражаться с которой многим народам придется целые века.

Русь уже не была единой, а раздробилась на отдельные земли-княжества. Каждое из них жило само по себе, каждый правитель искал свои мелкие выгоды, подчас не гнушаясь вероломством, изменой и набегами на зем-

ли соседей. Киев утратил свое могущество, его княжеский престол стал причиной раздоров. Не раз князья-соперники, воюя друг с другом, разоряли его. Во второй половине XII века, истощенный непрерывными междоусобицами, Киев уже перестал быть центром общерусской политической власти. Однако его духовная власть над всеми русскими землями по-прежнему была необыкновенной. Великий город оставался средоточием народного духа, древним символом единства.

Не раз собирались князья на замирение, пировали дни и ночи, братались, пускали чашу крепкого вина по кругу. Но едва разъезжались по своим вотчинам, как все начиналось вновь: шло в ход оружие и дружины ради обогащения своих феодальных владетелей. Наиболее дальновидные патриоты Руси выступали за установление мира и сплочение сил. Это их мысли и думы выразил автор великого “Слова о полку Игореве”:

*От усобиц княжских — гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!*

Конечно, не только от желания князей зависело установление мира. Усобицы лишь одно из явлений периода феодальной раздробленности. Основной для единства могли стать только определенные исторические условия, которые в то время еще не созрели в древнерусском обществе.

Раздробленная и разрываемая войнами встретила Русь нового врага, неизвестного и не имевшего, как выяснилось, равных по силе. Смертельная беда надвигалась с Востока.

Временем образования империи Чингисхана стал 1206 год — год Барса, когда князьки многочисленных татаро-монгольских племен собрались к истокам реки Онон на великий курултай. Здесь, воздвигнув девятибунчужное белое знамя, они провозгласили Тэмуджина, одного из племенных вождей, великим ханом — Чингисханом.

Так завершился долгий кровопролитный процесс создания единого татаро-монгольского государства. Сразу после курултая Чингисхан занялся организацией власти в своем военно-феодальном государстве. Для начала вся территория была поделена на три части-округа: два крыла и центр. Каждая часть, в свою очередь, делилась на “тьмы”, по десять тысяч человек в каждой, “тысячи”, “сотни” и “десятки”. Командовали этими большими и малыми частями нукеры и нойоны — монгольские феодалы. Звание сотника, тысячника и темника переходило по наследству от отца к сыну. *(Из трудов Серапиона, XIII в.)*

Четкая и единообразная система организации государственной власти позволяла Чингисхану быстро собирать войско для завоеваний, в которых

— и только в них — он видел смысл своей жизни. Войско было предметом главной и постоянной его заботы. Эта черная туча кочевников монголо-татар и вторглась в пределы русской земли, принеся ей много страданий и бед, высветив в то же время мужество и стойкость русичей. Вот как рассказано об этом в исторических очерках “Начало Отечества” авторами А. Дегтяревым и Н. Дубовым.

Гибель Торжка

Ордынская армия вторую неделю безуспешно штурмовала вставший на ее пути “малый град” Торжок, прикрывавший южные границы обширной Новгородской феодальной республики. Враг подступил к нему 22 февраля и, не сумев взять с ходу или склонить к позорной сдаче на милость завоевателя, начал осаду по всем правилам. Город был обнесен высоким тыном-забором, а вокруг были расставлены в искусном порядке осадные орудия, сразу начавшие методичный круглосуточный обстрел “каменьем тяжким”, горшками с нефтью да огромными стрелами-пиками из дальноточных самострелов.

Ни князя, ни обученной дружины в Торжке не было. Обороняло его трудовое население — ремесленники да укрывшиеся за стенами крепости землепашцы из окрестных сел, а организовали оборону выборные городские посадники — Ива, Яким Влункович, Глеб Борисович.

Целая неделя настойчивых приступов, шедших один за другим, как тяжелые морские валы, не принесла успеха завоевателям. Упорство и мужество горожан брали верх над злыми стремлениями врага. Оборонявшихся поддерживала и укрепляла надежда на помощь могучего Новгорода — ведь это границы его владений защищала, жертвуя собой, маленькая крепость!

*Но помощь не пришла. 5 марта обессиленный двухнедельной яростной осадой, не получивший подкрепления Торжок пал. **“Поганые взяли город Торжок,— сообщает древняя летопись,— иссекли всех мужчин и женщин, церковный чин и чернецов-монахов, и все поругано, насильной смерти предано!”***

Наверстывая время, бросились ордынские тумены по незащищенному теперь — после падения Торжка — Селигерскому пути на Великий Новгород. Гроза нашествия двигалась в сторону северо-западного исполина-города, одного из истоков русской государственности, намереваясь навсегда уничтожить и этот древний град.

Но не достигла его, миновала! Не дойдя 100 верст до Новгорода, у знаменитого Игнач-креста завоеватели, видимо, взвесив все обстоятельства

Осажденный город

— свои потрепанные силы, время, потерянное на штурм малых городов, новгородскую мощь, о которой они были хорошо наслышаны, — резко повернули назад. Широким фронтом — облавой ордынцы устремились на юг — из лесных краев к знакомым степям, уже покрытым весенней зеленью.

“Злой город!”

Больше всего удивляло завоевателей на Руси то, что по мере того, как дымом развеивался по белой земле город за городом, сила и упорство сопротивления не убывали, а возрастали неимоверно! Шесть дней держалась ошеломленная внезапным, словно дикий смерч, штурмовым шквалом Рязань. Несколько дней продержался и без ушедшего на север княжеского войска стольный Владимир... А маленький Торжок бился две недели! И навсегда врезался в память завоевателей скромный город, который Орда штурмовала, уже отходя из русских земель в южные степи.

Повернув на юг, войско Батыея в конце марта 1238 года подкатилось к Козельску. Поскольку город отказался сдаться, его быстро осадили по всем тогдашним правилам, надеясь взять за день-два, разграбить и следовать дальше. Но приступ следовал за приступом, уставший от штурма тумен сменялся свежим, неустанно — день за днем — грохотали осадные машины, а город держался! **“Батый пришел к городу Козельску,— сдержанно сообщает в своей хронике Рашид-ад-Дин,— и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им”**.

Пришлось повелителю Орды, хоть было это для него унижительно и позорно, посылать гонцов к грабившим другие русские земли ордынским полчищам — всех собирать под Козельск! Еще две армии прибыли под стены маленькой крепости! **“Потом пришли Кадан и Бури,— продолжает Рашид-ад-Дин,— и, наконец, взяли его”**. Собрав под стены города сотни осадных орудий, завоеватели в конце концов “разбили стены города и взошли на вал”. В широком проломе их встретили защитники города. И здесь завязался ошеломивший ордынцев невиданный рукопашный бой! Вытеснив врага из разрушенных укреплений, русские воины вышли из города и ринулись на боевые порядки осаждавшей город Орды, сокрушили чуть не все осадные орудия. Четыре тысячи завоевателей погибли только в этой яростной вылазке козельцев!

Но слишком неравны были силы: небольшой и к тому же измотанный двухмесячной осадой гарнизон защитников и чуть ли не вся армия Батыея! Город был взят. Батый приказал вырезать в нем всех жителей — вплоть до грудных младенцев. Хану казалось, что сама земля этих мест рождает таких мужественных, беззаветных в своей смелости людей, поэтому только полное уничтожение жителей дало успокоение ордынскому повелителю. Он дал Козельску имя “Злой город”, выразив тем свою злобу к мужественной крепости, давшей ему хорошо запомнившийся урок.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Остановимся, читатель, на минуту. Оглянемся на черные пепелища больших и малых городов. Даже трубы печей не торчали на них — печи тогда устраивали иначе. Остались лишь раскиданные груды обгоревших бревен, перемешанный с золой грязный снег да замерзшая человеческая кровь...

Какая сила и какая любовь держали горожан в проломах обрушенных стен, заставляли выскакивать навстречу ворвавшейся коннице, выходить одному пешему против десяти конных?

Какой смысл был в этом отчаянном стоянии? Может, был другой путь — не сопротивляться, а принять условия, выдвинутые врагом? Условия эти были просты, и, не вдаваясь в подробности, их можно обрисовать одним-единственным словом. Оно коротко, старому и малому понятно — РАБСТВО.

Согласись Русь на это — и крови пролилось бы меньше. Правда, уже в первый момент после такого согласия и сама Русь перестала бы существовать, став безымянным улусом империи Чингисидов.

Но русские никогда не принимали таких условий. На протяжении веков, еще до нашествия ордынских завоевателей, зарились на русские земли шведы, печенеги, турки, половцы и другие воинственные племена и народы. Никому и никогда не покорялась Русь, любовь к свободе издревле стала неотъемлемой гранью русского народного характера. Потому и сейчас страна не желала покориться, и каждый русский город был камнем, о который медленно, но верно крошились зубы завоевателя.

Потому и спустя века, уже после свержения ига, отражая иные нашествия и иных врагов изгоняя из своих земель, Россия никаких вражеских условий не обсуждала и не принимала, пока земля и честь Отечества не были защищены.

Ну а был ли военный и политический смысл в этих отчаянных, но в конце концов проигранных сражениях?

Был, да еще какой! С великой ясностью высвечивает его, к примеру, героический подвиг Торжка. Выдержав полумесячную осаду, он заставил завоевателей упустить драгоценное время и фактически заслонил собой Великий Новгород от тяжелых военных испытаний. А то, что Новгородская земля не подверглась таранному удару Батыевых полчищ, имело громадное значение для всей последующей истории Русского государства.

Сохранив силы, Новгород через два года решительно остановил вторгшихся на Русь шведов — в знаменитой Невской битве князь Александр Ярославович разгромил войско шведского конунга Биргера, навсегда оставив след своего копья на лице этого вояки. А спустя две зимы, 5 апреля 1242 года, в еще более яростном Ледовом побоище новгородское войско, опрокинув выстроенные хваленой тевтонской “свиньей” полки псов-рыцарей, на долгие годы отбило у них охоту соваться в русские пределы.

А кто знает, как обернулось бы дело, если бы маленькие города покорно отворили ворота завоевателям?! Сдайся Торжок — и свежие тумены не топтались бы полмесяца, медленно теряя силы, у его стен, а на рысях по речным ледовым дорогам-зимникам достигли бы Новгород! И если б даже не сокрушили, то наверняка так обескровили его силы, что и шведы, и немцы через год-другой взяли бы в землях умирающего исполина все, что хотели.

Между тем Новгород, спасенный жертвенностью малых городов, целые столетия — до конца XV века — сдерживал на северо-западе натиск Швеции, немецких рыцарских орденов и других завоевателей.

Даже самые большие здания складываются из малых камней-кирпичей. Самые большие народные дела складываются из простых мужественных поступков, а великие победы приходят только к тому народу, который готов на любые жертвы и каждую пядь родной земли защищать до конца.

Русь всегда крепко это знала.

Разорение русских земель татаро-монголами словно огнем обжигало народное сознание и душу, заставляло скрипеть зубами, копить силы, чтобы сбросить с плеч поработителей.

Александр Невский.

Портрет работы П.Д. Корина.

В 70-х годах XIII века Московское княжество получил младший сын Александра Невского - Даниил. Московское княжество было самым небольшим, но Даниилу Александровичу удалось его расширить. В 1325-1340 годах Московским княжеством правил Иван Данилович Калита, при котором Московское княжество стало самым сильным. Политику Ивана Калиты продолжили его сыновья - Симеон Иванович Гордый (1340-1353) и Иван Иванович Красный (1353-1359).

Этот род чуть не угас, когда в 1359 году умер 33 летний великий князь Иван Иванович, оставив 9 летнего наследника Дмитрия.

Главой Московского боярства стал Митрополит Алексей, умный и дальновидный государственный деятель. Он получил в 1362 году в Орде ярлык Дмитрию на княжение. Дмитрий, повздорив, укрепил и расширил Московское княжество.

В самой Орде в конце 50-х годов шли усобицы и за 20 лет на престоле сменилось 20 ханов. В середине 70-х годов власть захватил Темник Мамай. Он сумел отчасти восстановить военное могущество Орды.

Итак теперь, сплотившаяся вокруг Москвы Русь и преодолевшая усобицы Золотая Орда стояли друг против друга. Столкновение было неизбежным.

Во второй половине XIV века вооруженная организация великого Московского княжества представляла собой феодальное войско, но уже со значительно возросшим централизмом и повысившейся ролью командования. Решение принимал не военный Совет феодалов, а единолично великий Московский князь, который на военном совете выслушивал мнение своих князей, воевод и бояр и принимал решение.

Эта организация имела весьма пестрый состав: ее ядром являлся «двор» великого князя и городовые полки Москвы и великого Московского княжества; в нее входили также полки княжеств, подчиненных и зависимых от великого Московского князя, и полки союзных русских и литовских княжеств.

«Двор» великого Московского князя состоял из «служебных» князей и бояр, из мелких военных служилых людей - «детей боярских» и «слуг под дворскими». «Дети боярские» были мелкими землевладельцами и несли военную службу. «Слуги под дворскими» находились в ведении дворецкого, управлявшего княжеским хозяйством, и также являлись воинами. «Служебные» князья - это князья, потерявшие свою независимость, или выходцы из Литвы. «Служебные» князья и бояре были крупными землевладельцами и выступали в поход со своими отрядами. Они пользовались правом «Отъезда», могли «отказаться» от службы князю и перейти к его врагу. Такое же право имели бояре.

Организационной единицей теперь был полк, а не княжеская дружина. Летописцы сообщают о сборах и действиях полков, имевших различную численность, которая определялась наличием жителей города или княжества, выставившего полк. Командовал полком князь или воевода из бояр. При различном численном составе полки имели довольно однообразную организацию - они делились на тысячи, сотни и десятки, которыми командовали тысяцкие, сотские и десятские. Такая организация войска позволяла лучше управлять им на походе и в бою.

Когда полки сходились к назначенному пункту, великий Московс-

кий князь организовывал рать, административные полки которой сводились в тактические единицы. Для похода и боя он приказывал формировать передовой (сторожевой) полк, большой полк, полки правой и левой руки, тыльный или засадный полк. Командирами этих полков назначались наиболее опытные воеводы. Каждый полк имел определенное тактическое назначение как в походе, так и в бою, что позволяло расчленять походный и боевой порядки. Деление рати на пять полков по тактическому функциональному признаку было характерной особенностью русского войска.

Полтора века прошло так. Только со второй половины XIV века началось объединение русских земель вокруг Московского княжества. Много сделал для этого Иван I Калита. Но особенно быстро продвигался этот процесс при внуке его Дмитрие Ивановиче.

В 1378 году, чтобы поубавить силы Московии, золотоордынцы двинули на нее свои тумыны под водительством Мурзы Бегича. Но они были разбиты войсками Дмитрия Ивановича на реке Воже. Остатки монгольской рати бежали в степь, что обескуражило верхушку Золотой Орды и возбудило желание все вернуть на круги своя.

В истории каждого народа, каждого государства есть такие моменты, когда под вопрос ставится само их существование. И именно они являются, во многом, теми рубежами, за которыми следует либо слава и величие, либо

*Дмитрий Донской.
С гравюры С.М. Харламова.*

забвение. Таким переломным моментом для русичей была Куликовская битва, явившаяся предвестницей появления государства Российского, крепкого единой государевой волей и духом державности великороссов. Она оказала громадное воздействие на формирование национального самосознания русской нации.

Осенью 1379 года, когда умер очередной великий хан, Мамай провозгласил себя Великим Ханом Золотой Орды. Всю зиму он собирал войско. Помимо ядра из ордынских тумынов в их состав вошли отряды, набранные из многих подвластных Орде народов - туркменов, осетин, болгар, мордвы, а также тяжелая пехота, нанятая у генуэзцев.

Над Русью сгустились тучи войны. Мамай вел переговоры с Ягайло и с

Рязанским князем Олегом. Он обещал щедро оделить их московскими землями, если они пойдут на Москву вместе с ним.

Но не терял времени и великий князь Московский Дмитрий Иванович. По его повелению во всей Руси готовили доспехи, ковали оружие, закупа-ли его в Великом Новгороде и в орденских землях. На подвластных Москве княжествах собирали войска. По Оке и в верховьях Дона были поставлены многочисленные заставы и сторожевые посты. Русская земля пришла в движение от края до края. Ни суеты, ни растерянности, все шло ладно и споро, ибо народ верил князю и каждый хотел, в меру сил своих, послужить Отечеству. *«И от начала миру не бывала такова сила русских князей, якоже при сем князе»*, - писал летописец. Пришли рати от земель, подначальных Москве, и от земель независимых. Пришел полк, возглавляемый князем Владимиром Серпуховским, привели московские воеводы полки стольного города, а также дмитровцев, можайцев и коломенцев, явились полки ярославский, углицкий, ростовский. С дальнего Белоозера, куда ордынцы и не заглядывали, прибыла рать, костромичи явились, тарусские и оболенские князья привели отдельный полк, пришли владимирцы, стародубцы. Привели свои полки и сыновья Ольгерда - Андрей с псковичами и полотчанами, Дмитрий с брянцами. Были отряды мордовские, чувашские, мещерские, пермские да еще уральцы из великого Устюга, куда об ордынцах только молва доходила.

Во время всенародного воодушевления рождались на Руси сказания и песни, в каких с волнением, гордостью и печалью из уст в уста от дедов к внукам передавались рассказы о славных боевых деяниях той поры.

Такое сочинение появилось вскоре после Куликовской битвы. Называется эта повесть «Задонщина». Она была написана еще при жизни Дмитрия по свежим следам битвы. Создал ее, видимо, участник и свидетель великих событий, подлинный народный поэт Софоний Рязанец. На его долю выпало великое счастье первому прославить подвиг русского народа: *«Не стук стучит, не гром гремит, - стучит сильна рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские злачеными доспехами и червлеными щитами»*, - писал Софоний о полках русских.

Войска для похода в степь собирались в Москве и Коломне. Надо сказать, желающих постоять за Отечество было много, приходили добровольцы – дружинники из тех земель и княжеств, что не участвовали в походе против монголо-татар. 26 августа русское войско выступило из Коломны навстречу врагу. Через 4 дня оно переправилось через Оку и повернуло на юг, а 5 сентября вышло к Дону у реки Непрядвы. Русская конница продвигалась так быстро и скрытно, что Мамай узнал о ее появлении здесь только спустя день.

Об этом походе и знаменательной битве ярко рассказано в исторических очерках «Начало Отечества».

Переправа

Ранним утром, когда еще не рассеялась мгла и только первые проблески рассвета появились в туманном воздухе, боевые трубы возвестили о начале переправы. По мостам и бродам московское войско начало переходить через Дон. Все шло организовано и быстро, каждый воин шел со своим отрядом, под своим стягом. Перешедшие на правый берег дружины строились в полки. Полки занимали места, определенные на вчерашнем совете. Ушел в Зеленую Дубраву засадный полк. Полк правой руки встал у крутого берега реки Нижний Дубяк. В центре войска строился большой полк, перед ним занимал свои позиции передовой. На левом фланге укрепился полк левой руки, прикрытый рекой Смолкой. В тылу войска сосредоточился небольшой резерв под командой Дмитрия Ольгердовича.

Когда отряды были расставлены, Дмитрий вместе с воеводами объехал войско. На правом фланге блистала доспехами кованая рать. Но дорогие кованые брони, шлемы с наносниками и наушами, прикрывавшие шею кольчужные бармицы, крепкие топоры-булавы, стальные мечи, купленные у европейских купцов и искусных московских ремесленников, умные боевые лошади — все это было лишь у знатных воинов. А главной силой выстроившегося войска была неисчислимая крестьянская посоха — ратники, набранные в деревнях, от сохи по человеку. Грубые толстые рубахи, самодельные щиты, кожаные шапки — вот все, что их защищало. Крепкое простое копьё, топор, кистень или прочная дубина были их оружием. Но именно на крутые плечи посохи должна была упасть основная тяжесть страшной битвы.

Дмитрий ехал вдоль войска, растянувшегося на несколько верст, слушал тяжелый гул. Когда всадники въехали на небольшой холм, войско показалось им огромным, протянувшимся до горизонта морем, по которому шли, словно от сильного ветра, тяжелые волны. От непрерывного движения гудела земля, шумело множество знамен, слышалось конское ржание, звон доспехов...

Объехав все отряды, Дмитрий прискакал к передовому полку. Здесь он сошел с коня, снял золоченый великокняжеский доспех. Любимый боярин князя Михаил Бренк надел доспехи Дмитрия, сел на коня и встал под великокняжеским знаменем. Все произошло на глазах у тысяч воинов, и скоро весть эта, передаваемая из уст в уста, стала известна во всех концах громадного войска. И когда позднее в ходе сражения фряжское копьё пробilo золоченый доспех и убитый Бренк рухнул с коня, когда, пробившись к знамени великого князя, ордынцы подрубили его и оно, упав, скрылось в шквале бушующей битвы, это не вызвало смятения и отчаяния у воинов: все знали, что одетый в простой и крепкий доспех Дмитрий сражается в боль-

Перед битвой. С гравюры С.М. Харламова.

шом полку, а под великокняжеским стягом сражался один из его бояр.

Дмитрий сел на боевого коня, ему подали копье и железную палицу. Несколько князей, с которыми он объезжал полки, подъехали к Дмитрию, стали уговаривать его не вставать впереди войска. Лучше встать в стороне, наблюдать за боем, отдавать нужные распоряжения.

“Княже! — сказал один из них. — Не становись впереди, но стань сзади или на крыле, или где-нибудь в другом месте...” — “Да как я скажу: “Братья, станем крепко на врага!” а сам стану сзади и лицо свое скрою? — спросил великий князь. — Не могу я так сделать, чтобы таиться и скрыть себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать...”

Как ни пытались убедить его, он остался непреклонен.

Теперь все было готово к сражению.

Из-за Дона окнами темных изб смотрела на выстроенные полки русская земля. Замерли белые города, смолк колокольный звон. Не кричали в торговых рядах купцы-зазывалы, молча сидели у домов старики, и дети бросили игры.

Что там, за Доном?

Прилетит ли оттуда белым облаком победная весть, или, как полтора века назад, новой бурей, сметая села и города, обрушится на русские земли ордынская облава?

Взошло солнце, рассеяло покрывавший землю мгlistый туман и осветило Куликово поле.

Сражение

Со стороны Красного холма сплошной лавиной шло ордынское войско. В центре его сосредоточилось огромное количество пехоты, набранной в зависимых от Золотой орды землях: ясы, бесермены, фряги, буртасы... Впереди войска — большое конное формирование, предназначенное для первого, дезорганизирующего ряды противника, удара. А по бокам — две конные тучи — лучшие тумены Мамай.

Намерения неприятеля ясно выступали из такого построения. Вязкая масса пехоты должна связать мощный центр русских — большой полк. А затем ханская конница, сломав фланги Дмитриевой рати — полки левой и правой руки, окружит этот пыльный кровавый клубок и упьется победой.

Вдалеке за войском, на Красном холме, торчал огромный ханский шатер. Здесь расположилась ставка Мамай, отсюда он намеревался командовать сражением.

Мамай не надевал доспехов и не проверял, отточена ли сабля. Ордын-

кие ханы никогда не участвовали в битвах, а выбирали высокое место у поля, чтобы видеть, как развивается сражение, когда бросить в бой свежие тумены, где ослабить натиск, а где удесятерить его. Эта черта — управление боем на всем его протяжении — выгодно отличала татаро-монгольскую военную тактику от европейской.

Поле с Красного холма — как на ладони. Место, полагал Мамай, было не очень удачным. Посреди болото, везде овраги и овражки, островки кустов. С трех сторон реки, большие и малые... Смотрел Мамай на место будущей битвы и злился на строптивного улусника, на Дмитрия. Уж коль задумал драться, так хоть место выбери подходящее! Ну да ладно. Будет твоё войско лаптями в болоте чавкать, гнилую воду кровью разбавлять.

Когда, сблизившись на расстояние полета стрелы, армии остановились, из вражеского войска выехал огромного роста всадник и проскакал по широкому коридору вдоль русского войска. Он вызывал себе противника. По тому, как ордынец держался на коне, как хорошо был вооружен, было видно, что это умелый полевой боец, взявший верх во многих схватках. Ордынец осадил лошадь, остановился, уверенно взмахнул копьем, приглашая на поединок возможного соперника и одновременно угрожая ему.

И тогда тронул своего коня и выехал из передового полка навстречу ордынскому поединцику Александр Пересвет.

Ордынец заметил, что вызов его принят, развернулся и, выставив копье, подхлестнул коня.

Покрепче перехватив свое оружие, ринулся ему навстречу Пересвет.

Поединок Пересвета с Челубеем. С картины М.И. Авилова

Замерли оба войска. Слушали топот коней, смотрели, как, привстав в стременах, неудержимо сближаются, начинают битву два человека.

Всадники шибились, и столкновение было настолько яростным, что не помогли ни щиты, ни доспехи. Пробив друг друга копьями, оба замертво упали с коней. Конец неистовой схватки Пересвета с Челубеем явился сигналом к началу сражения.

Сразу вслед за этим содрогнулась земля от грозного топота тысяч боевых коней. Тревожный шелест пробежал по деревьям ближних и дальних рощ — так заревели боевые трубы. Мгновенно сузившись, исчезла полоса, разделявшая войска.

Сошлись!

Цена победы

“Изочтите, братья, сколько осталось всех нас!..”

На закате солнца, когда длинные траурные тени легли на Куликово поле, двоюродный брат Великого князя Владимир Андреевич встал под стягом и приказал трубить сбор.

С разных сторон стали сходитьсь воины на звуки боевой трубы. Один за другим возвращались большие и маленькие отряды, преследовавшие разбитого врага. Пришли, собрав свой поредевший полк, Ольгердовичи. Сходились к Владимиру уцелевшие воеводы.

Прошел час. Звякало в сумерках затупившееся, избитое оружие. Устало ржали лошади. Загорались многочисленные костры, у которых перевязывали раненых, прикладывали к ранам целебные травы.

Все больше беспокоился Владимир: не было Дмитрия. Разослал гонцов по полкам. Гонцы вернулись — князя нигде нет! Сам вскочил на коня, поскакал от полка к полку, от костра к костру, задавая один вопрос: “Кто видел или кто слышал вождя нашего и начальника?”

Разное рассказывали те, к кому он обращался. Один из бойцов сказал, что видел князя в седьмом часу крепко бьющимся палицей. Другой сообщил, что видел Дмитрия позже этого времени, когда великий князь сражался с четырьмя напавшими на него ордынцами. Подъехал Степан Новосильский и сказал Владимиру: “Я видел его перед самым твоим нападением идущего пешком с побоища, тяжело раненным. Но я не мог ему помочь, потому что преследовали меня три татарина...”

Время шло, и скоро почти все уцелевшие собрались, лишь одиночки подъезжали еще на свет костров.

Дмитрия не было.

Тогда Владимир Андреевич приказал искать его среди убитых.

Рассыпались воины по великому, страшному и грозному побоищу. Скоро кликнули Владимира: нашли! Прискакал он — лежит на земле убитый воин в иссеченном великокняжеском доспехе. Владимир узнал в нем любимца Дмитрия Михаила Бренка, которому перед битвой передал свой доспех великий князь. Скоро позвали в другое место. И снова ошибка. Здесь лежал очень похожий на Дмитрия Белозерский князь Федор Семенович.

Вместе со всеми участвовали в поисках два костромича — Федор Сабур и Григорий Холопищев. Обыскав окраину поля, они уклонились вправо, в дубраву и здесь неожиданно наткнулись на Дмитрия Ивановича. Князь лежал без памяти под сломанным деревом, в помятых, изрубленных доспехах. Сабур поскакал сообщить об этом, и скоро подоспел Владимир со многими князьями, воеводами и простыми воинами.

Дмитрий пришел в себя и спросил: “Скажите мне, как теперь?”

Русское войско после битвы на поле Куликовом

“Враги наши побеждены!” — ответил Владимир и рассказал князю об исходе битвы.

Дмитрий встал, ему подвели коня, и вместе с князьями и воеводами двинулся он по Куликову полю.

Ломаные копья, куски закаленных клинков, зазубренные топоры, сорванные подковы, затупившиеся рогатины, конская упряжь, стрелы, наручи, ослопы, секиры, кистени, поножи, шестоперы, панцири, чеканы, бармицы, кинжалы, сулицы, шпоры, русские шлемы, ордынские шапки, черные колпаки наемников...

Все иссечено, помято, окровавлено. И среди военного металла, на изрытой, напитанной кровью земле, на бурой траве — невероятное число убитых.

Проехали немного и остановились. Рядом друг с другом, сжимая в руках оружие, лежали несколько белозерских князей. Вместе бились, один умирал за другого. Потом кто-то указал Дмитрию место, где пал Михаил Бренк. Князь подъехал, склонил голову над убитым другом. Недалеко от Бренка лежал стойкий страж, отчаянной смелости разведчик Семен Мелик. Здесь же — воевода Тимофей Валувич.

Проехали дальше, туда, где лежал, раскидав полы черного монашеского одеяния, начавший битву Александр Пересвет.

Рядом громоздился сраженный им в поединке ордынец. Дмитрий глянул на врага — от такого многие испили бы смертную чашу.

Князь ехал по полю и многих узнавал среди убитых. Федор Белозерский, а рядом Иван, сын его... Знаменитый богатырь Григорий Капустин. Князь Дмитрий Монастырев, Андрей Серкизов, Лев Мозырев, Михаил Акинфович... Бесстрашные бойцы, верные соратники многих битв.

Ночь накрывала поле крупнейшей битвы средневековья. Огромными светляками плавали над полем факелы — это продолжали искать раненых уцелевшие бойцы.

Объехав поле, Дмитрий остановился у стяга и приказал: “Считайте, братья, скольких воевод и скольких служилых людей нет!” Через некоторое время искусный в счете московский боярин Михаил Александрович доложил князю: “Нет у нас, государь, сорока бояринов московских, да двенадцати князей белозерских, двадцати бояринов коломенских, сорока бояринов владимирских, пятидесяти бояринов суздальских, сорока бояринов муромских, двадцати трех бояринов дмитриевских, шестидесяти бояринов можайских, тридцати бояринов звенигородских, семидесяти бояринов ярославских, ста бояринов нижегородских, ста четырнадцати бояринов тверских. А убито, государь, от безбожного Мамая двести тысяч без четырех человек!”

Число погибших в сказании преувеличено. Но потери были огромными — несколько десятков тысяч русских воинов полегло на Куликовом поле. Восемь дней стояло войско у Дона — “на костях” — хоронили павших в братских могилах.

После этой битвы прозвал народ Дмитрия — Донским. А Владимира Андреевича — Храбрым¹.

1. Боровское ополчение во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и Боровским отличилось на поле Куликовом. Это князь Владимир Андреевич, прозванный Храбрым, вел полк правой руки к полю. Это его вместе с Дмитрием Волынским-Боброком поставили командовать засадным полком. Это он, видя, как гибнут русские люди под татарскими саблями, пылко рвался в бой, а опытный Боброк его удерживал, чтобы сказать в нужное время: “Теперь и наш час приспел. Дерзайте, братья и другие. Это Владимир Андреевич после разгрома врага “стал на костях” под алым великокняжеским знаменем, велел трубить сбор и спрашивал о князе Дмитрие Донском: “Где брат мой и первоначальник нашей славы?” (Д. Жуков “Живые голоса истории”. Сборник исторической прозы, Москва, Детская литература, 1989 г., стр. 16-17).

Огромно и неопределимо значение Куликовской битвы. Исход затяжной Мамаевой войны был решен одним сражением, до основания потрясшим Орду. В ходе «Мамаева побоища» было разгромлено сотысячное войско завоевателей. Ни до этой битвы, ни после нее не было на полях средневекового мира таких схваток. Спустя много столетий историки назвали Куликовское сражение генеральной битвой средневековья. Это был первый удар — удар страшной силы, нанесенный Русью поработителям. И хотя от полного освобождения страну отделяло еще целое столетие тяжелой борьбы и уже вызревала в недрах Орды злоба нового хана — Тохтамыша, никогда отношения Руси и Золотой орды не были такими, как до Куликовской битвы. Москва навсегда и бесповоротно изменила эти отношения.

Слава о русской победе разнеслась по всему миру. О ней услышали в Риме и Крыму, в византийском Константинополе и в болгарской столице Тырнове, в польских, чешских и германских землях. От купцов и путешественников узнавала Европа о подробностях самого «страшного сражения, какое только известно было на памяти людей».

Но никто не осознавал значения, произошедшего так глубоко, как сам русский народ. Великой ценой, огромными потерями заплатил он за свою победу. Ликование и горе соседствовали в сердцах людей. *«Была на Руси радость великая, но печаль еще оставалась об убитых Мамаем на Дону князьях и боярах и воеводах и многом воинстве. Оскудела вся земля Русская воеводами и воинами...»*, пишет автор «Задонщины».

Давно, отжив свой век, упали и истлели дубы Зеленой Дубравы, но уже шесть веков живет в сердце народа нетленная память о героях, ставивших сволбу долины выше жизни.

Памятный обелиск на Куликовом поле. Архитектор А. П. Брюллов

В XII-XIV веках серьезных изменений в структуре русского войска не произошло. Русь боролась с монголо-татарским иггом, немецкими и шведскими захватчиками. Были одержаны великие победы на Неве, Чудском озере, на поле Куликовом. Известный русский историк В.О. Ключевский с полным основанием считает, что именно разгром монголо-татар надо считать временем рождения Московского централизованного государства. С его появлением возникла и более сильная военная организация.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Шло время, изменявшее лицо мира. Одна за другой присоединялись к Москве русские земли. В 1389 году Дмитрий Донской умер. Перед смертью он завещал своим сыновьям опираться на бояр и без их «думы» т.е. без Совета с ними, ничего не предпринимать. Дмитрий ввел новый порядок наследования, что определялось внутренней и внешней политической обстановкой, требовавшей упрочения единства Руси. Опираясь на Московских бояр, церковь, мелкий служивый люд и торгово-ремесленное население городов, Василий Дмитриевич - старший сын Дмитрия Донского, в течении своего княжения 1389-1425 годах продолжил политику собирания Руси. Однако, представители удельного строя упорно отстаивали старые порядки. Борьба обострилась после смерти Василия Дмитриевича, когда в Московском княжестве начались междоусобицы, продолжавшиеся 28 лет и закончившиеся победой великого Московского князя Василия Васильевича Темного над удельными князьями.

Вскоре после Куликовской битвы перешло «под государскую руку» великого князя Нижегородское княжество. Через двадцать лет присоединились к Москве Муромское княжество и Мещерская земля. Затем подчинились столице князя елецкие, козельские и пронские. А там пришел черед и Можайского удельного княжества. В 1463 году было включено в состав московских владений Ярославское княжество. В 1474 году—Ростовское. Прошло еще три года — и под власть великого князя перешел Господин Великий Новгород — богатейшая феодальная республика, владения которой обнимали весь северо-запад и север Восточно-Европейской равнины.

А Золотая орда ослабла и вступила в период феодальной раздробленности, подобный тому, какой переживала Русь во времена Батыева нашествия. Но все еще вручались темникам от имени хана золотые дощечки — пайцзы — со словами-заклинаниями: «Силою вечного неба. Покровительством великого могущества. Если кто не будет относиться с благоговением к указу хана, тот подвергнется ущербу и умрет». Правда, в силу этих заклинаний переставали верить даже сами темники. В середине XV века некогда могучая Золотая орда развалилась.

Объединение Руси, которую в XV веке все чаще стали именовать Россией, шло в условиях непрекращавшейся борьбы с татаро-монгольским игмом. Зависимость от Золотой орды русские люди после Куликовской битвы стали считать условной, неколебимо веря, что близок час, когда ее вовсе не будет. Московские князья все более открыто уклонялись от повиновения Орде, самовольно уменьшали дань, давали твердый отпор набегам, укрепляли свои войска.

Процесс покорения удельных князей и объединения русских земель был завершен во время великого княжения Ивана III (1462-1505 годы), который стал именовать себя «Государем всея Руси».

Ядром войска по-прежнему был «двор» великого Московского князя, состоявший из «детей боярских» и дворян, которые несли военную службу. В конце XV века большое количество поместий, обрабатываемых крестьянами, было роздано детям боярским, военным слугам и даже холопам распущенных княжеских и боярских дворов. «Изпомещенные», т.е. получившие поместья, обязаны были нести военную службу. Зарождалась так называемая поместная система, являвшаяся формой условного землевладения, получившая развитие в XVI веке и определившая количественный и качественный рост русского войска.

Второй составной частью войска продолжали оставаться «городовые полки», которые набирались из горожан.

Третьей частью войска была «рубленная рать», т.е. рать, собранная («срубленная») с определенного количества сох.

Во второй половине XIV века упоминаются казачьи сторожи, которые несли службу наблюдения на Хопре, Дону и другим рекам. Возникла линия укрепленных городов, обороняемая «городовыми» казаками.

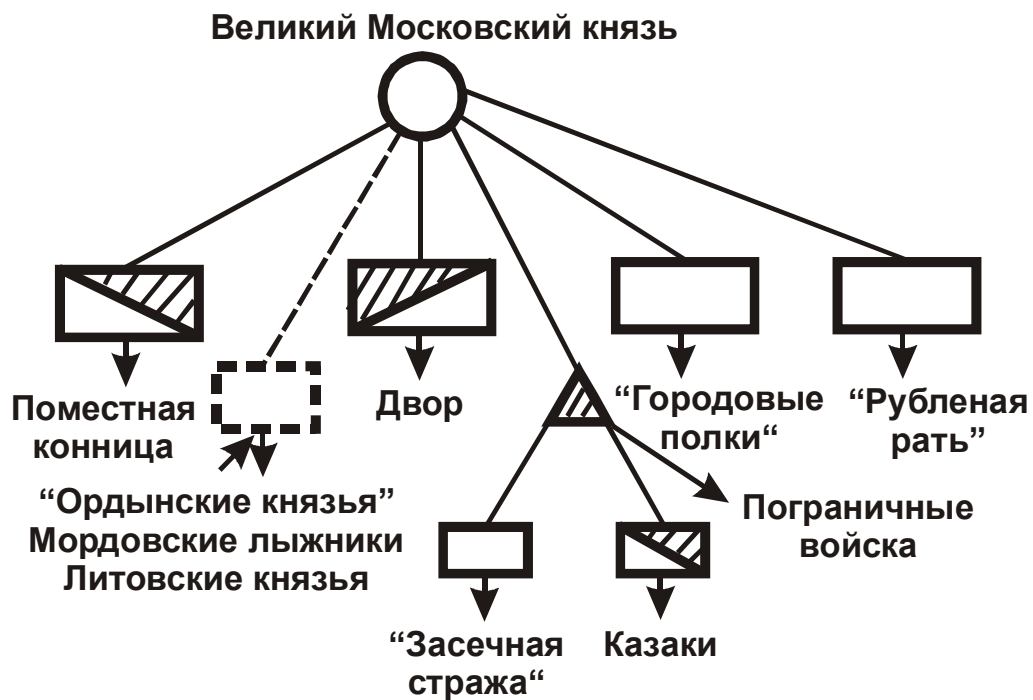
В то же время военную службу на договорных началах несли «служилые татарские царевичи», отряды мордовских лыжников и литовские князья со своими дружинами.

Организация войска в XV веке оставалась прежней. Для похода и боя войско делилось на полки: сторожевой (передовой), большой, правой и левой руки и засадный (запасной).

И тем не менее внешнеполитическое положение Руси в первой половине XV века оставалось весьма сложным. На западе происходили непрерывные военные конфликты с Великим княжеством Литовским, правители которого стремились к захвату многих исконно русских земель. Великий князь Витовт захватил Смоленскую землю, разорил Рязань, претендовал на Псков и Новгород.

Не теряли времени и наследники Золотой орды — многочисленные ханства, широким полукольцом охватившие Русь на юге и востоке.

Московская рать во второй половине XV века

В начале XV века росту ордынской военной активности немало способствовала разгоревшаяся на Руси широкая феодальная война между несколькими группировками русских князей. Кроме того, она фактически стояла перед вполне оформившейся коалицией врагов — Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Прибалтике, Казимира, призывавшего под свои знамена польско-литовскую шляхту, и, наконец, Ахмата, поднявшего против Руси всю Большую орду.

Но все же Иван III сумел разрубить “гордиев узел”. Договорившись с братьями, заключив договор с крымским ханом, он сумел дать отпор врагам.

В 1480 году Иван III отказался признавать власть Золотой Орды. Золотоордынский хан Ахмат двинул в ответ на это свое войско на Москву. Московская рать встретила татар на реке Угре. Ахмат не решился атаковать русских до подхода войск союзников. Противостояние продолжалось несколько месяцев.

Главное сражение началось 8 октября в час дня. Ордынское войско, быстро приблизившись к берегу, начало переправу. Огромная масса воинов и боевых коней медленно поплыла в сторону русского берега.

Тут-то и дал себя знать умело расставленный воеводами пушечный “поле-

вой наряд”. Медленно двигавшаяся по воде вражеская армия стала удобной мишенью для настильного огня из “тюфяков” и пищалей, заряженных “дробосечным железом”, предшественником знаменитой картечи. Ответить массивной прицельной стрельбой из луков барахтавшиеся в холодной воде ордынцы, естественно, не могли и, потерпев огромный урон в живой силе, повернули к своему берегу. До костей продрогшее в осенней воде Ахматово войнство выползло на береговой откос и отошло от реки.

Четыре дня — раз за разом — загонял Ахмат свои тумены в угорскую воду — и каждый раз результат был тот же, русские пушки не пускали врага на берег. Попробовали ордынцы переправиться через реку на других бродах. **“Ахмат-хан, — сообщает летопись, — покушался многожды перелезти реку во многих местах, а не мог воспрещением от русских воинов. И много пало воинов его тут, и без числа утонули в реке”**.

Все было тщетно. А время уже работало против ордынцев. В конце октября вдруг ударили небывало ранние морозы, настолько сильные, что к началу ноября река стала. Положение врага осложнилось голодом: все окрестности на много верст вокруг были уже разграблены. С приходом холодов нечем стало и лошадей кормить. В лагере Ахмата начались болезни, а с ними пришли недовольство и уныние.

Среди ранних снегов и ноябрьских бурь нелегко было и московским ратникам. Но большое мужество позволяло им успешно переносить лишения.

В критической обстановке, рассудил Иван III, враг может решиться на отчаянный шаг — ринуться по свежему льду на русский лагерь, застать врасплох. А тогда еще не известно, как все решится.

И сделал московский князь необычный шаг. В конце первой недели ноября русское войско неожиданно снялось с места и отошло от берега, а потом и вовсе скрылось — ушло по направлению к Кременцу, близлежащей крепости.

Русские отдавали ордынцам берег! Что это означало? Холод, что ли, сломил упорство московитов? Непохоже. А может, это было приглашение к генеральному сражению?

Шаг Ивана оказался для Ахмата полной неожиданностью. Видимо, так и не разобравшись до конца в намерениях русских, хан 11 ноября приказал войску сниматься. Орда начала отступление. Впрочем, Ахмат попытался сохранить хорошую мину даже при такой отчаянно позорной концовке своего похода. Он направил великому князю грамоту, в которой требовал подчинения и уплаты дани. Иван III посмеялся над ханской выдумкой: дани он не платил Орде уже восемнадцать лет.

Так бесславно закончилась последняя попытка Орды вернуть безвозвратно ушедшее владычество. Этими событиями завершилась столетия длившаяся борьба Руси с татаро-монгольским игом.

К. Маркс так писал об этом великом времени русской истории — последней четверти XV века: *“В начале своего царствования Иван III все еще был*

*Иван III разрывает ханскую грамоту с требованием дани.
С картины А. Д. Кившенко, 1879 год*

татарским данником; его власть оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на Севере России; Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии; наконец, ливонские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана сидящим на вполне независимом троне об руку с дочерью последнего византийского императора. Мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его двора. Новгород и другие республики покорны. Литва уменьшилась в своих пределах, и ее король является послушным орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от москвитов надменные речи”.

Наконец-то наступила-расцвела занимавшаяся целое столетие заря свободы. В ее трепетном сиянии поднимал паруса российский государственный корабль.

Конечно, никто не знал, что этому кораблю придется пройти через тяжесть Ливонской войны, через безумие опричнины и страшную разруху, ждущую страну в конце XVI столетия. Никто не знал, что в сумра-

ке XVII века его ждут рифы Смутного времени. И только после этого обозначится в туманной дымке нового рассвета петровский берег, берег реформ и преобразований.

Это — впереди.

Оглянемся назад. Еще раз мысленно пройдем через тяжелейшие столетия ига. Вспомним защитников Рязани и Владимира, киевлян, павших на стенах родного города. Восставшую Тверь. Мятежный Нижний Новгород. Вожу-реку и Куликово поле. Вспомним отчаянного Евпатия Коловрата, воводу Дмитра, Юрия Владимирского, мужественного Пересвета и дерзкого Семена Мелика, Дмитрия Боброка, Владимира Серпуховского...

На бесчисленных Полях великих битв давно истлели белые кости павших. Имен многих из них мы не знаем. Но будем знать и помнить другое. Если бы тысячи и тысячи несравненных русских людей не ценили свободу Отечества выше жизни, если бы не было героического самопожертвования нескольких поколений русского народа и длительной тяжелой борьбы за свободу, не было бы и самой свободы, и государства российского. Не забудем мы и князей славного Киева – Святослава Игоревича и Владимира Мономаха, Новгородского князя Александра Невского и князя Московского Дмитрия Донского. Они “много пота утерши, мужества и доблести проявивши за землю Русскую, Православную”.

Наши земляки-зауральцы с великим почтением всегда относились и относятся к именам этих славных ратоборцев. Достаточно сказать, что имя Великого и Святого князя Александра Невского носит главный православный храм города Кургана, а дух его покровительствует жизни областного центра.

Неоценимый вклад в духовную и историческую культуру России внес наш славный земляк из села Каминки Куртамышского района, исследователь древности, историк и писатель, лауреат Государственной премии Алексей Кузьмич Югов, сделавший перевод памятника древнерусской культуры “Слова о Полку Игореве”, ряда летописей и создавший на их основе историческую эпопею “Ратоборцы”. Труды этого замечательного человека вернули памяти россиян многие страницы из славной истории своих предков. Многие книги Алексея Югова хранятся в Каширинском литературно-краеведческом музее.

Алексей Кузьмич Югов.